

*Вечно в памяти будет праведник,
от злой молвы не убоится.*

Псалом 111

В этом году ушли в иной мир два главных человека в моей жизни. Двадцать восьмого апреля отошел ко Господу мой отец, Седогин Николай Яковлевич, ветеран Великой Отечественной войны, не дожив один месяц до своего 88-летия, а десятого декабря, на 92-м году жизни, ушел в лучший мир мой литинститутский учитель Михаил Петрович Лобанов. Две опоры отлетели, и я почувствовал сиротство.

Отец показал пример мужества и удивительное присутствие духа. Он упал в своей квартире, травмировал бедро и решил умирать. Он замолчал и, как воин, неделю шел навстречу к «последнему врагу человека — смерти» (Ап. Павел). Он шел к тому рубежу, который разделяет земную жизнь от жизни будущего века, к той границе, которая пугает всех живущих на Земле. И именно она является проверкой для каждого человека; либо человек перешагнет из материального мира в мир духовный, либо на него навалится животный страх смерти и придавит его. Я неотлучно находился подле отца и каждый день причащал его Святых Христовых Тайн. В день смерти, соборовавшись, отец перестал дышать на моих руках. Я крикнул ему:

— Папа, дыши, дыши!

Он, спохватившись, попытался вздохнуть, но не смог и одна слеза покатилась по его побледневшей щеке.

Михаил Петрович Лобанов, как один из столпов русской литературы, должен был упасть, как падает в лесу вековое дерево-великан, с шумом и треском — так, чтобы содрогнулось все пространство. Но он ушел из жизни, по свидетельству жены Татьяны Николаевны, как христианин, тихо, трижды причастившись Святых Христовых Тайн, пособоровавшись и получив по молитвам Церкви кончину «безболезненную, непостыдную, мирную». Михаил Лобанов умер в Боге, которому он верил и которым жил всю свою жизнь, исполнив две главные заповеди (по свидетельству близких людей) — Любви к Богу и человеку.

Однако масштаб его личности еще предстоит оценить на фоне современной обмельчавшей литературы, которая заботится не о благодатном влиянии на сознание народа, а о самой себе, в угоду низким, страстным проявлениям человеческой природы, культивируя пошлость, вульгарность, цинизм.

Для Михаила Петровича русская литература никогда не вмещалась в рамки искусства, она выходила к проповеди, делалась учительницей и наставницей народа. Он был одним из последних литераторов, мыслителей, которые продолжали верить в непреходящую силу художественного слова. И было ему, видимо, тяжело наблюдать, как вытесняется живое, литературное слово, имевшее огромное влияние на общество в полемике 60-х — 70-х годов и заменяется телевизионной индустрией и новыми технологиями для манипуляции сознанием людей. Как-то на одном из семинаров в Литературном институте в конце восьмидесятых годов он говорил, приведя тогдашнюю статистику, что на триста тысяч человек в нашей стране приходится один писатель. Это, по его мнению, было очень и очень мало! Литература связана с мышлением людей, утверждал Михаил Петрович, и как важно, чтобы по-настоящему русских писателей было бы больше, чтобы они могли оказывать влияние на сознание народа правдивой, подлинной литературой. Он много говорил о правде — в литературе она выжигает вокруг себя все фальшивое, ложное, искусственное. Для него самым важным на семинарах прозы в стенах Литературного института, где он прослужил профессором более 50 лет, было не ремесло писателя и освоение приемов письма, а личность самого автора, возрастание его духа, те смыслы, которые и рождают настоящую литературу. Личностью можно назвать только того человека, который переживает, говорил Михаил Петрович.

Ключевые слова его семинаров: «понимание», «убеждения», «искренность», «сострадание», «причастность к чужой беде», «сопереживание», «жертвенный поступок», «забота о человеке», «любовь к Отечеству, своему народу и его глобальшим религиозным традициям». Я помню, как Михаил Петрович рассказывал о посещении деревни Иншаково, своей родины в Рязанской области, как на него в местном сельсовете произвел глубокое впечатление простой крестьянин, истопник, изучающий по книге электрическое дело.

— Зачем вам это нужно? — спросил его Михаил Петрович, заинтересовавшись его внимательным погружением в книгу.

— А вдруг свет отключат в деревне, надо же кому-то знать, как поправить.

Михаил Петрович с внутренней радостью рассказывал о простом человеке, думающем о том, как помочь людям, если придет беда.

Вспоминая, как на очередном семинаре обсуждался рассказ Васи Головецкого, студента из Украины. В рассказе описывалась трагическая ситуация, конечно, взятая из жизни. Мальчишки выкололи глаза котенку, жившему в подъезде многоэтажки. Следовала фраза: «Котенок мяукал и ждал помощи из непонятной темноты»...

М.П. Лобанов

Михаил Петрович прокомментировал, указывая на свою голову:

— Вот это имеет отношение к литературе, даже волос на голове зашевелился.

Он часто повторял, что в литературе остается только то, что проходит через время. Он имел в виду литературу, которая отображает саму жизнь средствами художественных образов. Тогда, увлеченный Достоевским и Бахтиным, я подражал Федору Михайловичу. Михаил Петрович остановил меня на семинаре, где обсуждали первую главу моей повести, похожую по интонации и стилю на «Подросток» Достоевского (как мне казалось), и вернул меня к реальной жизни, назвав мои поиски риторикой.

Позже я понял Михаила Петровича и вывел для себя формулу: труд писателя заключается в том, чтобы изображать живую ткань жизни. Чтобы жизнь, которую он изображает, становилась частью опыта другого человека. Без прав-

ды и художественности достичь этого невозможно. А абсолютная художественность недостижима. Как-то на семинаре Михаил Петрович рассказал о чувствовании с очередным юбилеем А.Н. Островского, «русского Шекспира» (слова Михаила Петровича). И один из ораторов назвал Островского драматургом, достигшим в своем творчестве абсолютной художественности! Драматург поправил выступавшего и заверил, что абсолютная художественность недостижима.

В 1982 году в журнале «Волга» была опубликована статья Лобанова «Освобождение», которая стала событием в литературной и общественной жизни страны. Мы, студенты Литинститута, достали номер журнала и вслух читали в общежитии на Добролюбова.

Я был потрясен стилистикой автора, его причастностью к трагедии народа, которую он переживал как собственную трагедию. Это прочитывалось в каждом слове, в каждом предлодении. И это было написано правдиво, мужественно («Мужество человечности», так называлась одна из его книг, кажется, 1969 года, которую он подарил мне с дарственной надписью).

Да, это было именно мужество человечности — отождествиться со своим народом и высказать всю правду тогда, когда «народ безмолвствует». Это у нас, студентов, вызывало восхищение. Я понимал, что критик Лобанов — русский человек, который отстаивает национальную честь и достоинство своим творчеством, своей жизнью, как воин на передовой.

Но статья имела большие последствия для писателя Михаила Лобанова, потому что ее прочитал генсек Ю.В. Андропов и отдал распоряжение Г.М. Маркову принять меры. Началась проработка автора статьи. Секретарь ЦК М.В. Зимянин провел совещание с главами писательских Союзов и поставил вопрос об идейных упущениях. В январе 1983 года состоялось заседание Ученого совета Литературного института, который признал статью «Освобождение» «неправильной и ошибочной». Руководители СП СССР и СП РСФСР в соответствии с указаниями генсека устроили судилище над автором статьи и редколлегией журнала. Мы слышали, что дирижировал этим процессом С. Михалков. Осудили статью тогда А. Алексин, А. Кешоков и другие.

Поддерживали критику статьи Ф. Бирюков, В. Дементьев, В. Оскоцкий, Е. Исаев, Ю. Друнина, А. Чепурнов и другие, в большинстве забытые писатели и

критики. Принес свои извинения Лобанову уже в период перестройки только С. Михалков.

«Славянофилы» В. Кожинов, С. Семанов, Ю. Селезнев поддержали Михаила Петровича. Главный редактор «Волги» Николай Егорович Палькин был уволен.

Я достал номер журнала и возвращался к статье не раз. Мысли Михаила Петровича совпали с воспоминаниями моего отца о голоде в средней полосе России, через который ребенком прошел он со своей матерью Анастасией Сергеевной, моей бабушкой. И я решил написать повесть об этом времени, которая станет дипломной работой по окончании Литинститута. Я был так вдохновлен статьей Михаила Петровича, что написал повесть за один месяц. Я назвал ее «Рождественские загары» и принес на суд руководителя творческого семинара. Михаилу Петровичу повесть понравилась, но на лице его выразилось сомнение. Совсем недавно он едва не подвергся репрессиям вплоть до изгнания из института. И я все понял по взгляду Михаила Петровича.

— Я переделаю повесть или напишу другую, — сказал я.

— Да, не вовремя для меня вы написали эту повесть, — слегка смущенно, характерно сощурился глаза, произнес Лобанов. — Напишите более невинную вещь, — добавил он.

Я сделал вариант «Рождественских загаров» и назвал его «Солнечный город», прибавил к этой «невинной» маленькой повести несколько рассказов, получив «отлично» за творческую дипломную работу.

Позже, в 1989 году, я был участником Всесоюзного съезда молодых писателей в Москве, где один из семинаров прозы возглавлял Михаил Петрович Лобанов, который положительно отозвался о моей прозе, предложив издать отдельную книгу.

Съезд обладал силой рекомендации, и издательство уже не могло отказать молодому автору. Я из-за своей скромности все спустил на тормозах и не развил представившуюся возможность. Первая книга вышла только в 1993 году в Центральном-Черноземном книжном издательстве с предисловием М.П. Лобанова.

Главный редактор издательства Виктор Мустафович Чекиров, увидев предисловие Михаила Петровича, без всяких обсуждений передал рукопись редактору прозы И.А. Сафоновой и с волнением стал расспрашивать меня о Лобанове. Таким огромным авторитетом обладал Михаил Петрович в литературных кругах.

В середине восьмидесятых я подвергся травле со стороны Комитета госбезопасности. Вот как пишет об этом сам Михаил Петрович: «Были и другие истории с моими студентами, в которых отразились характерные особенности времени. Еще одна судьба моего студента, связанная с КГБ. Было это уже в середине восьмидесятых годов, в начале «перестройки».

В Литинститут из какой-то организации города Липецка поступила бумага, в которой сообщалось, что наш студент Геннадий Рязанцев прислуживает в церкви, прилагалась вырезка из областной газеты с разоблачительным фельетоном о нем. Вскоре в институт явился Рязанцев. Я решил поговорить с ним наедине, прежде чем состоится совместный разговор с ректором.

Меня интересовало главное — серьезно ли он верит, или тотчас же откажется при первом же вопросе об этом? И когда я спросил его, он как-то растерялся, заговорил, что хочет писать повесть на церковную тему, поэтому ему необходимо знать, что делается в церкви, как проходит служба, поближе узнать священников. После того как наш разговор у ректора закончился, и мы вдвоем выходили на улицу, он вдруг остановился, сильно взволнованный, с дрожью в голосе заговорил: «Михаил Петрович, я сказал неправду, что пришел в церковь, чтобы писать повесть... я верующий». Почему-то я почувствовал облегчение, услышав это: значит, дело очень серьезное и человека надо спасать. А спасать было от чего. После фельетона на работе его травил, даже зная, что его пятилетний ребенок с больным сердцем

находится на волосок от смерти. Здесь надо заметить, что ребенку пришли на помощь: я связался с писателем Иваном Дроздовым, другом и соавтором известного хирурга Ф.Г. Углова, и Федор Григорьевич через знакомых врачей помог поместить маленького больного в лучшую клинику Москвы, где ему сделали очень сложную операцию, и он выздоровел. А сам Рязанцев был спасен довольно необычным, по тем временам неожиданным образом. Ректором Литинститута был тогда Владимир Константинович Егоров (будущий министр культуры России). После наших совместных раздумий — что же делать? — Егоров решил обратиться за помощью к ... КГБ. По его просьбе кто-то из сотрудников Комитета позвонил моему коллеге в Липецк, после чего прекратились как преследования Рязанцева, так и шедшие оттуда в Литинститут требования «принять меры». Признаться, чтобы доставить особое удовольствие липецким недругам моего студента, я постарался добиться того, чтобы его дипломная работа была принята как отличная. Впоследствии я узнал, что Рязанцев был рукоположен в священники и служит в храме в Липецке»¹.

Литература и жизнь были для Михаила Петровича тождественны. Он жил так, словно «шла пропасть по пятам», поэтому его слово обладало властью.

О «перестройке» Михаил Петрович, переживший войну, получивший ранение, говорил с грустью в голосе:

— Это будет пострашнее революции, которая унесла огромное количество человеческих жизней. Эта «перестройка» унесет несравнимо большее число людей.

И его слова оказались пророческими. Статистика показывает, в годы перестройки, в 90-е годы и нулевые, Россия потеряла более пяти миллионов человек.

В упоминаемой мной статье «Освобождение» мысль об отсутствии или недостатке глубины социальной, исторической, нравственной и, если хотите, метафизической, как распространенном заболевании современной литературы, иллюстрируется романами С.Залыгина. В них «вроде бы много всего: и истории, и актуальных злободневных проблем, и всяких событий — от гражданской войны, коллективизации, различных общественных перипетий вплоть до какого-нибудь «южноамериканского варианта» — но все это, в сущности, не что иное, как беллетризованная литературная полемика <...> Это, вероятно, и нужно, но маловато для искусства, нет в этих романах того, что делало бы их в чем-то откровением — нет живого, непосредственного опыта (заменяемого умозрительными конструкциями), нет того психологического переживания, из которого и исходят жизненные токи в произведении»².

В этом понимании литературы и жизни весь Михаил Петрович Лобанов.

Я никогда не видел его рассерженным или чем-то недовольным, он был цельным и духовно здоровым человеком. Он жил так, как он по вторникам словно вбегал по лестнице на второй этаж Литературного института, направляясь в аудиторию, где его ждали студенты, его семинаристы. Он это делал до глубокой старости.

«В шесть часов вечера каждый вторник. Семинар Михаила Лобанова в Литературном институте» — так называется сборник, выпущенный в 2013 году издательством института и посвященный 50-летию юбилею преподавательской деятельности Михаила Петровича. В нем собраны рассказы тридцати двух авторов, представляющих последний период истории семинара — начало XXI века. На праздновании выхода этой, столь дорогой для него книги руководитель семинара обратился к участникам презентации с проникновенным Словом (которое зачитала

¹ М.П. Лобанов. На передовой: Опыт духовной биографии. — «Наш современник», 2002, № 3; М.П. Лобанов. В сражении и любви. — М., 2003.

² М.П. Лобанов. Освобождение. — «Волга», 1982, №10.

жена Михаила Петровича — сам он находился тогда в больнице). «Я убежден, — писал Лобанов, — что признание, значение этой выдающейся книги только возрастет со временем. Слишком она контрастирует, «ставит на свое место» господствующую игру в литературе, агрессивность авторского самоутверждения, жизненную, духовную, нравственную немощь. Неважно, что не каждый из авторов книги «выйдет в писатели». Ведь главное здесь — убедительное свидетельство того, какое обилие молодых талантов, подтверждающих, что Россия, несмотря ни на что, жива, ее творческая молодежь противостоит злу и насилию, всему разрушительному, что русский язык по-прежнему объединяет людей разных народностей из нашей некогда единой великой страны».

В одной из итоговых для писателя книг «В сражении и любви» я обнаружил молитву, составленную Михаилом Петровичем. Вот она:

«Господи, нет предела милосердию Твоему! Ты сохранил мне жизнь на войне, в болезни, дал мне долголетие, и чем я ответил Тебе?

Ты знаешь все мои грехи и сохраняешь милость Твою ко мне. Прости мне слабость мою и греховность. Ты же знаешь, как я верую, что если есть во мне что-то доброе, способное к добру, то это не мое, а Ты дал мне, как и те неиссякаемые дары благодати, которые к великому милосердию Твоему проливаются на нас, на Твои, Господи, творения».

Воистину, «от избытка сердца уста глаголют» (Мтф. 12:34). Так высказалась молитва покаяния и благодарности из глубин сердца ныне покойного раба Божьего Михаила, дорогого Михаила Петровича Лобанова, учителя жизни и духовного наставника. И я высказал «приметы памяти сердечной» в память праведного воина, «на передовой» сражавшегося за души человеческие.